

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 78–86

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 78–86

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

Научная статья

УДК 821.161.1-3.09+929Карамзин

Функции «базовых моделей» в формировании пасторально-сентиментальной жанровой матрицы в прозе Н. М. Карамзина («Деревянная нога», «Евгений и Юлия»)

С. М. Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

Шаврыгин Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. Рассматривается категория «фамильного сходства» и связанная с ней категория «базовых (базисных) моделей» в аспекте жанрологического анализа на примере двух ранних произведений Н. М. Карамзина: перевода идиллии С. Геснера «Деревянная нога» и первой оригинальной повести «Евгений и Юлия». Теория «базовых моделей» Дж. Лакоффа, созданная исследователем для нужд когнитивной лингвистики, с оговорками и доработками может быть применена к анализу жанровых структур как речевых, так и литературных жанров. Используя методику различения формы как феномена и формы как структуры, предложенную К. И. Белоусовым, по аналогии в аналитических целях возможно разделить категории жанра-феномена (миромоделирующая функция) и жанра-структуры (проекция жанрового феномена на предметную область текста). В результате выявления жанровых подструктур выделяются ядерные, периферийные компоненты, необходимые для интерпретации жанровой модели. Как показывает предложенная методика анализа, под влиянием творчества Геснера и через переводы его идиллий («Деревянная нога») в сознании Карамзина как начинающего писателя формируется несколько базовых жанровых моделей: ядерная – идиллически-буколическая, периферийные – гимническая, героическая, прециозно-галантная, галантно-сказочная – связанных между собой синергетическими отношениями и создающих мультижанровую матрицу, открывающую неограниченные возможности выбора и распределения жанровых базовых моделей в соответствии с оригинальным творческим замыслом. Развитие и усложнение жанрово-стилевой матрицы происходит в первой оригинальной повести Карамзина «Евгений и Юлия», ядерным жанровым компонентом которой становится сентиментально-лирическая базовая модель, образующая кластер из двух пасторальных базовых структур, связанных метонимической когнитивной связью: жизни в сельской усадьбе и георгик. В архитектонике повести сентиментальная, патриархальная базовая модель противопоставлена новой базисной модели, масонско-психологической, возникающей на основе нравственно-философской прозы масонов, в переводах которой активно участвовал Карамзин. Именно на базе масонской матрицы формируется сентиментальный психологизм карамзинской прозы. Этот тип синергетического соотношения жанрово-стилевых матриц становится основным для целого ряда повестей Карамзина 1790–1800 годов.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, базисная модель, прототип, жанрово-стилевая матрица, повесть, жанр, сюжет, идиллия, пастораль, масонство

Для цитирования: Шаврыгин С. М. Функции «базовых моделей» в формировании пасторально-сентиментальной жанровой матрицы в прозе Н. М. Карамзина («Деревянная нога», «Евгений и Юлия») // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 78–86. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The functions of the “basic models” in the formation of a pastoral-sentimental genre matrix in N. M. Karamzin’s prose (“Wooden Leg”, “Eugene and Julia”)

S. M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 9/14, p. 1 Meshchanskaya St., Moscow 129090, Russia

Sergej M. Shavrygin, sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract. The article considers the category of “family resemblance” and the related category of “basic models” in the aspect of genre analysis using the example of two early works of N. M. Karamzin: the translation of S. Gesner’s idyll “Wooden Leg” and the first original story “Eugene and Julia”. The theory of “basic models” by J. Lakoff, created by the researcher for the needs of cognitive linguistics, with some reservations and modifications can be applied to the analysis of genre structures of both speech and literary genres. Using the method of dilution of form as a phenomenon and form as a structure, proposed by K. I. Belousov, by analogy, for analytical purposes, it is possible to divide the categories of genre-phenomenon (world-modeling function) and genre-structure (projection of genre phenomenon on the subject area of the text). As a result of the identification of genre substructures, the author highlights the nuclear and peripheral components necessary for the interpretation of the genre model.

As the proposed method of analysis shows, under the influence of Gesner’s work and through translations of his idylls (“Wooden Leg”), several basic genre models are formed in Karamzin’s mind as a novice writer: nuclear – idyllic-bucolic, peripheral – anthemic, heroic, précieuse-gallant, gallantly fabulous – interconnected synergetic relationships and creating a multi-genre matrix that opens up unlimited possibilities for the selection and distribution of genre basic models in accordance with the original creative idea. The development and complication of the genre-style matrix occurs in Karamzin’s first original story “Eugene and Julia”, the core genre component of which becomes a sentimental lyrical basic model forming a cluster of two pastoral basic structures connected by a metonymic cognitive connection: life in a rural estate and georgics. In the architectonics of the story, the sentimental, patriarchal basic model is contrasted with a new basic model, masonic-psychological, arising on the basis of the moral and philosophical prose of the masons, in the translations of which Karamzin actively participated. It is on the basis of the masonic matrix that the sentimental psychologism of Karamzin’s prose is formed. This type of synergetic correlation of genre and style matrices becomes the main one for a number of Karamzin’s novels of 1790–1800.

Keywords: cognitive poetics, basic model, prototype, genre-style matrix, novel, genre, plot, idyll, pastoral, masonry

For citation: Shavrygin S. M. The functions of the “basic models” in the formation of a pastoral-sentimental genre matrix in N. M. Karamzin’s prose (“Wooden Leg”, “Eugene and Julia”). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 78–86 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-78-86>, EDN: VFBCQH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вводные замечания

Современная классическая теория жанра, во многом базирующаяся на идеях М. М. Бахтина («проблема жанра, как проблема целого»), основывается на представлении о художественном произведении как социально-философском, культурном феномене, обладающем рядом изначально присущих свойств и признаков (формально-содержательное единство, жанр и т. п.). Однако сугубо феноменологический анализ приводит к плюралистичности концепций и не снимает характер дискусионности проблемы [1:13–43]. В рамках прагмалингвистической стратегии феномены проецируются на предметные области текста и порождают специфические структуры. Когнитологические, лингвокультурологические, концептологические интегральные направления изучения текста дополняют классические подходы и в итоге обогащают наши представления о сущности базовых категорий поэтики литературы.

Методология

Модель текста представляет собой «синтез структур разнообразных текстовых пространств» [2: 35], образующих форму текста, феномен, определяющий структуру «предметов одного и того же объекта» [2: 35]. Текстовые структуры представляют собой проекцию формы на предметную область. Жанр – элемент формы. По аналогии можно предположить, что жанр как формально-стилистический феномен также проецируется в пространство текста, порождая определенные предметные структуры. Однако единый аналитический инструментарий выделения, определения, детерминирования и анализа подобных структур пока еще на пути к созданию, исследователи, работающие в аспекте когнитивной жанрологии (генристики), предложили ряд специфических методик, ответственных за описание сложных когнитивных явлений, одним из которых является жанр [3]. Продуктивно представление о жанре как переходном явлении между языком и речью, обладающем гибридными свойствами. Жанры – это

инструменты типологического и интерпретационного упорядочивания, аттракторы особого рода, способные использовать приемы формализации, свойственные как прямой (метафора, теория фреймов, теория прототипов), так и непрямо́й коммуникации (имплицитность, ирония, эвфемизмы, тропы, игра) [4: 87–93].

На сегодняшний день одной из самых востребованных методик является теория прототипов, базирующаяся на идеях «фамильного сходства» [5: 91]. Согласно теории фамильного («семейного») сходства жанр являет собой «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [6: 111], а согласно современной теории прототипов жанр текста определяется «сходством рассматриваемого элемента с прототипом, своего рода “лучшим”, типическим образцом данного класса» [7: 16–18]. «Сосредоточившись на аналогии между внутренней структурой литературных жанров и структурой семей, можно установить “генеалогическую” линию литературных жанров, то есть ряд писателей, которые участвовали в формировании, видоизменении и передаче текстового наследия, созданного «отцом-основателем» жанра» [8: 123; 9].

В рамках когнитивной лингвистики на основе теории прототипов Дж. Лакофф предложил использовать категорию «базовой (или базисной) модели» («base model»), то есть четко выделяемую область текста, выявляющую основные категории и имеющую свою внутреннюю структуру. Свойства внутренней структуры отражают центральную оппозицию, модель которой «определяет соотношение центров категорий» и задает ряд принципов, влияющих на образование «цепочечных связей». В этой цепочечной структуре выделяются ядерная зона (центральные категории) и периферийная зона (периферийные категории), движение всегда осуществляется от центральных к периферийным категориям.

Базовые модели могут пересекаться, «образуя сложное соединение, которое психологически является в большей степени базисным, чем сами модели. Мы будем называть такие объединения моделей экспериенциальными кластерами» [10: 37]. Базовые модели могут синтезироваться, но могут и расходиться, при этом референт может выбирать какую-то одну базовую модель и на ней строить целое.

Карамзин на протяжении художественного творчества последовательно выбирал различные базовые модели, но основными стали две: пасторально-сентиментальная (идиллия) и прециозно-галантная (сказка), многообразные сочетания которых в его прозе двигали ее (прозу) к этим двум полюсам. Рассмотрим

формирование пасторально-сентиментальной модели в ранних переводах и повестях.

Разделы статьи

Базовые модели и их функции в прозе Карамзина начала 1780-х гг.

Перевод идиллии С. Геснера «**Деревянная нога**» (1783) является первым печатным трудом начинающего литератора и, собственно, подготавливает путь Карамзина как автора, поэта, художника слова, а главное, и в этом основная ценность перевода, создаёт ориентацию на определённые образцы, прототипы.

В самом начале литературной деятельности Карамзин оказался в перекрестии разнонаправленных идеологических, философских, социологических, эстетических ментальных моделей и потому перед ним стояла задача обретения «четких и единых философско-эстетических представлений» [11: 16]. Уже с первого перевода начались интегративные процессы, связанные со становлением эстетического сознания молодого писателя и будущего историка, включением его личности в широкое поле культурно-художественных связей, приобретением широкой культурной компетентности, гуманитарной эрудиции.

О том, чем привлекла Карамзина идиллия швейцарского автора, см. [12]. Перевод Карамзина важен тем, что начинающий литератор впервые осваивает востребованные временем и культурой жанрово-стилевые модели. Первая и начальная сценарная базовая модель – **идиллическая (буколическая)**, центральная категория которой «молодой пастух пасет стадо (коз, коров, овец)» (Феокрит, Идиллии I, III, V, VI и др.) порождает соответствующую жанрово-стилистическую матрицу: герой, его действия, тип события, структура фабулы, пространственно-временные характеристики и детали – полностью укладываются в схему буколического прототипа. Формируется идеальный классический образец, не поддающийся никаким изменениям и трансформациям. Центральная ядерная категория буколической базовой модели ведет к периферийным категориям: появляется «старый, сединами украшенный человек» на деревянной ноге. Герой, пастух ведет себя в соответствии с законами жанра буколики: проявляет уважение к старшему, поит его свежей водой и т. д.

Далее актуализируется периферийная категория, формирующая метонимическую модель: часть предыдущей базовой модели замещает ее целиком и порождается новая категория «борьба за свободу (вольность)», в свою очередь, формирующая новую жанровую матрицу: старик рассказывает историю о своей деревянной ноге, вспоминает битву, в резуль-

тате которой рабство сменилось свободой. Внутренняя структура этой базовой модели, с одной стороны, представляет собой рецепцию римско-буколического мотива «деянья отца», «доблесть героев – добродетель» (Вергилий, Эклога IV), с другой – цепочку когнитивных категорий: психолого-философских «радость», «удовольствие», «счастье», прагматических «собственность», «обладание страной», «пользование природными богатствами» и метафор «восходящее солнце», «утешительные пеня» – выявляет структуру, которую можно определить как **гимническую** или **одическую**. Эта базовая модель носит характер лирический, описательный, нефабульный, одновременно пересекаясь с заданной первоначальной буколической моделью, о чем свидетельствуют упоминание стариком свирели, постоянного знака идиллической ситуации: «Радость и удовольствие царствуют теперь въ сей долинь, и его свирелей распространяется отъ одной горы до другой» [13: 6–7].

Далее следует новый метонимический перенос с элементами нравственного дидактизма: достойный человек не может забывать о кровавой цене нынешней вольности. Подвергаются рефлексии категории, связанные с буколической, особенно с концептом «война» (Вергилий, Эклога IV): «кровь, борьба, сражение, смерть или победа» – цепочка категорий, раскрывающая центральное понятие «война, битва». Таким образом формируется новая базовая модель – **героическая** – жанрово-стилевая матрица которой основана на событии, данном в последовательно хронологическом фабульном развертывании. Эта базовая модель проецируется не только на идиллические прототипы, но и на куртуазно-рыцарские, **прециозно-галантные**, что видно из описания и хода и деталей сражения. Прав И. Клейн, когда пишет о сосуществовании в идиллии Геснера, и, следовательно, в переводе Карамзина двух жанровых моделей – пасторальной и галантной, – но не совсем точен в утверждении: «Пасторальная проза Геснера склонна к дидактизму; галантность и остроумие уходят далеко на задний план...» [14: 38–39]. Прециозно-галантная базовая модель появляется в самой середине текста, а значит в апогее развития художественной мысли автора о цене идиллии, радости и счастья, к ней стягиваются предшествующие базовые модели и из нее вырастают следующие.

Последняя финальная базовая модель окончательно порывает с буколической. Спасителем старика в кровавой битве оказывается отец молодого пастуха и в благодарность за это старик резко меняет его жизнь. «Пусть другой будетъ пасти сихъ козь. Они сошли въ долину, гдѣ было его обитаніе. Старикъ

имѣлъ съ излишествомъ земли и стада, и прекрасная дочь была его одна наслѣдница» [13: 16–17]. Формируется **галантно-сказочная** базовая модель с центральной категорией «брак, свадьба». Жанрово-стилевые особенности сказочной матрицы проявляются в описании прекрасной внешности пастуха, нравственной скромности, девической кротости и непорочности дочери старика. В финале обращение с благодарностью к Всевышнему фиксирует появление христианского мотива, заместившего обращение к богам в классической идиллии.

Таким образом, идиллия Геснера в переводе Карамзина представляет собой идиллию нового времени, далекую от классических античных образцов, представляющую собой мультижанровую структуру. Жанровый феномен Геснера формируется из проекции нескольких базовых моделей, восходящих к разным жанровым прототипам: буколической, гимнической (одической), героической, прециозно-галантной, галантно-сказочной. При этом пересечение этих моделей минимально, их кластеризация происходит по принципу метонимических переходов периферийных категорий, превращающихся в центральные, а сами базовые модели связываются между собой синергетическими отношениями. Действительно, линейный и казуальный принципы фабулы преодолеваются нелинейным вероятностным подходом, точки соприкосновения базовых прототипических структур обладают энергией динамизма и случайностного выбора. Синергия жанрово-стилевых матриц позволяет перейти на другой уровень рецепции и анализа – лингвоэстетический (семиоэстетический) [15: 28–46], – что дает возможность расширить базисный пасторальный мир, рассказать о человеческой жизни в ее богатстве и многообразии: это темы пастухов и пастушек, отцов и детей, национального подвига, национальной гордости, бескорыстного подвига и спасения, человеческой благодарности, не имеющей срока давности, любви и счастливого брака. Изначально в сознании и прозе Карамзина создается мультижанровая матрица, открывающая неограниченные возможности выбора и распределения жанровых базовых моделей в соответствии с очередным оригинальным замыслом и в дальнейшем уже собственные художественные тексты писателя следуют этой лингвокогнитивной и лингвоэстетической стратегии.

Базовые модели и их функции в прозе Карамзина конца 1780-х годов

Следующее и уже авторское произведение писателя, повесть «**Евгений и Юлия**», была напечатана в 1789 г. в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (ч. XVIII). Между

переводом идиллии «Деревянная нога» и этой повестью Карамзина прошло шесть напряженных творческих лет, был накоплен большой и богатый переводческий, эстетический, мировоззренческий опыт [11: 20] и одновременно опыт масонской жизни и мироощущения, способствовавший формированию особых когнитивных структур сознания писателя, породивший особую жанрово-стилистическую матрицу первой оригинальной повести, по-иному воплотившей идею истинной чувствительности, не осуществленной в переводе идиллии Геснера.

Как мы уже предположили, жанровая матрица, складывающаяся в прозе Карамзина, имеет синергетический характер, поэтому предполагает нелинейный принцип рассмотрения и анализа; более того, линейный процесс рецепции не раскрывает целостности текста, представление о которой становится возможным только после полиструктурного синергетического анализа.

В середине повести, в апогее описания влюбленных и брачных отношений Евгения и Юлии, в рассказе о музыкальных пристрастиях героини возникает реминисценция, актуализирующая ряд жанровых мотивов. «Она [Юлия] прекрасно играла на клавишине и пела. Клопштокова песня “Willkommen, silberner Mond” {Явись к нам, серебряный месяц (нем.)}, к которой музыку сочинил кавалер Глук, ей отменно понравилась. Никогда не могла она без сердечного размягчения петь последней строфы, в которой Глук так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта» [16: 91]. Когнитивная функция этих имен – К. В. Глюка и Ф. Г. Клопштока – очевидна: актуализировать особые ментальные структуры, связанные с восприятием особого рода чувствительности, не рассудочной, как в идиллии Геснера, а подлинно сердечной, глубоко личной, интимной, коренящейся в глубинах первозданной природной сущности души.

Вначале это мотив гармонического союза музыки и поэзии, но постепенно перерастает в тему чистой невинной наивной немецкой сентиментальности, близости к природе, идеального экзальтированного чувства, но чувства далекого от жизненного опыта. Ф. Шиллер писал: «Лишь немногие из новых и еще меньше старых поэтов могут сравниться в роде сентиментальном, особенно в его элегической части, с нашим Клопштоком. Все, чего можно достигнуть на почве идеального, вне границ живых форм и вне области индивидуального, создано этим музыкальным поэтом. <...> в особенности там, где предметом поэзии является его собственное сердце, он нередко показывал свою великую натуру, восхитительную наивность» [17: 428–429]. Далее Шиллер

уточнял, что лирика Клопштока уводит юношей от жизни в мир идей, к высотам непорочности, надземности, почти религиозной святости, но, когда юноши возвращаются из царства идей в границы жизненного опыта, они многое теряют из прежней любви и энтузиазма. Этот интертекстуальный элемент вводит в текст жанровые структуры сентиментальной лирической поэзии, наполняя всю повесть особым лирическим состоянием души, **сентиментально лирическая** базовая модель становится основной, фундаментальной. Составитель сборника «Немецкие поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербель прямо отождествлял роль Карамзина для русской литературы роли Клопштока для немецкой: «На корень его сентиментализма выросла истинная поэзия чувства – и таким образом та поэтическая струя, которая никогда не умрёт в произведениях Шиллера и Гёте, обязана своим происхождением реформаторскому чутью Клопштока. Он был для немецкой поэзии тем же, чем сдѣлался впоследствии Карамзинъ съ своей “Бѣдной Лизой” для нашей» [18: 65].

С сентиментальной базовой моделью позиционально связаны остальные. Вначале это кластер из двух пасторальных базовых моделей, связанных метонимической когнитивной связью: **жизнь в сельской усадьбе** и **георгики**. Первая посвящена описанию жизни и занятий г-жи Л* и ее воспитанницы, Юлии, в деревне, она прототипично связана с традициями жанра поэмы / стихотворения о сельской усадьбе. Основной концепт «мирная жизнь» раскрывается с помощью нанизывания, во-первых, хронологических аллегорий («утро», «день», «вечер»), подчеркивающих идиллическую цикличность времени («высокий холм», «сад», «поля») – сентименталистские топосы, отражающие вечное неуывдаемое великолепие природы. Вечерние прогулки по полям вводят вторую пасторальную базовую модель – георгики, рассказывающую о радостных сельских трудах поселян, лаконично воспроизводящую прототип жанра, восходящий к «Георгикам» Вергилия (о жанровых прототипах см.: [19]). Некоторую сказочность фабульному мотиву предполагаемой свадьбы Евгения и Юлии автор придает с помощью интертекстуальной отсылки к идиллии «Деревянная нога», когда госпожа Л* вспоминает случай из детства Евгения и Юлии: «Мы гуляли по роще. Вышедши на долину, увидели мы лежащего на траве старика, который едва дышал от усталости и зноя. Ты тотчас бросился к нему, схватил с себя шляпу, почерпнул воды, возвратился к старику, напоил его и смыл у него с лица пыль, а Юлия обтерла его платком своим. Боже мой! Как я радовалась вами, видя такие знаки чувстви-

тельности вашего сердца!» [16: 91]. Однако теперь в этой сцене, все еще сохраняющей фоновую галантно-сказочную семантику, выявляется имплицитный смысл, связанный с формированием категории «чувствительности» в ее сентименталистском понимании.

Эти базовые жанровые модели, с одной стороны, впервые в прозе Карамзина погружают читателя в структуры сознания сентиментального, чувствительного нарратора, а с другой, через призму сознания этого же нарратора формируют «образ мира», концепцию жизни, не совсем совместимую с классической пасторалью, что объяснимо актуализацией в системе повести ментальных структур, связанных с масонской идеологией.

Существует по крайней мере две точки зрения на проблему синтеза масонских и сентименталистских мировоззренческих парадигм. А. Н. Кудреватых и Л. И. Сигида считают, что разрыв Карамзина с масонством автоматически означал и отказ от масонской эстетики и поэтики, что проявилось уже в первой повести в антимасонской трактовке темы смерти [20: 34–35; 21: 327–328]. Напротив, П. А. Орлов пишет о сосуществовании в сознании молодого Карамзина масонских идей и сентименталистской поэтики [22: 121], уточняя, что «под пером Карамзина сентиментальное начало преобладает над масонским» [23: 263]. А. Н. Кудреватых в более поздней работе присоединяется к мнению П. А. Орлова [24: 106], а В. И. Сахаров подчеркивает: «Карамзинские произведения той поры, как и вся литература сентиментализма, непонятны без влиятельной традиции масонского углубленного психологизма» [25: 147].

Безусловно, Карамзину оказались чужды мистические практики и политические замыслы друзей-масонов, но масонская философская концепция человека, опрокинутая в структуру текста повести, сохранилась и трансформировалась, тем более, что «цель свою московские розенкрейцеры видели, прежде всего, в собственной внутренней духовной работе, заключающейся в познании Бога через познание природы и себя самого по стопам христианского вероучения» [26; цит. по: 27: 60].

Безмятежность «патриархальной жизни», как идиллическая ипостась сентиментализма, пробуждает в персонажах и в неотступно следующем за ними нарраторе особые чувства: «Гуляя при свѣтъ луны, разсматривали звѣздное небо, и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о бессмертіи. Сколько высокихъ, нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу, бывъ оживляемы духомъ Натуры! Какъ возвышалось сердце молодого человѣка, когда онъ въ лицѣ Юліи разсматривалъ образъ спокойной невинности,

освѣщаемый лучами тихаго свѣтила!» [28: 183]. Восприятие мира, сетку которого выстраивает нарратор, упорядочивается в последовательности категорий «свет луны», «звездное небо», «величество Божие», «бессмертие», «дух Натуры», «сердце человека», «спокойная невинность». Все выстраивается в концептуальный масонский образ мира как дивного создания предвечного творца, не понаслышке знакомый Карамзину, где «величие Божие» проявляется во всем единстве мироздания от светил и звездного неба до сердца человеческого и спокойной невинности души (ср. аналогичные наблюдения А. Н. Кудреватых: [24]).

Рассуждения госпожи Л* о необходимости просвещения разума и при этом сохранения неиспорченных чувств, ограждения сердца от развращения также имеют явную перекличку с идеями масонства, почерпнутыми Карамзиным в период пребывания в масонских кругах, общения с И. П. Тургеневым, Н. И. Новиковым, из переводов масонской литературы. Карамзин не был последователем масонской мистики, однако антропологические принципы масонства сохранил, подверг секуляризации и во многом на основе масонского «познания самого себя» создал свой способ «художественного анализа закономерностей и некоторых противоречий внутреннего мира человека» [20: 5].

Именно воспринятой масонской идеей о том, что самопознание учит человека управлять мыслями и придерживаться только «утѣшительныхъ и полезныхъ, и такимъ образомъ сохранять совершенное спокойствіе въ сердцѣ своемъ» [29: 4], можно объяснить возникновение в финале кластера из двух других базовых ситуаций – внезапная болезнь и смерть Евгения и эпитафия на могиле героя. «Интересно, что тема смерти достаточно долго не привносилась в отечественную буколку, хотя и античность, и Возрождение, и барокко – в разных интерпретациях – вводили “смертные” мотивы в идиллический мир» [30: 112]. Хотя, по наблюдениям Т. В. Саськовой, мотивы смерти «прорываются» в лирике, находящейся на грани сентиментализма и романтизма (И. Дмитриев), но общая стратегия остается идиллической: эти мотивы окрашены не трагическим переживанием, а меланхолией, эстетизацией трогательного чувства. Однако сентиментализм как стиль к этому времени еще не вполне сформировался в прозе Карамзина, поэтому, на наш взгляд, жанрологический анализ раскрывает иную тенденцию.

Прототипические истоки сюжетной ситуации «болезнь и смерть Евгения», на наш взгляд, можно усмотреть в нравственно-философской прозе масонов, которую активно переводил Карамзин (см.: [31]). Эта ситуация репрезен-

тирует масонско-психологическую жанровую базовую модель повести. Цепочечная структура категорий «страх», «смятение», «закрывает глаза свои, когда освещает луч будущих горестей», «отчаяние», «горесть», «дух... плавает в бесчисленных радостях вечности», «меланхолическое уединение», «молитва», «помышления о будущей жизни» актуализирует размышления масонов о познании самого себя, особенно когда «Провидѣние низпошлетъ на насъ крестъ свой <...>. Сіе самага себя познание спосѣшествовать будеть каждому в несчастіи имѣть на Бога упование... Несчастіе и благополучіе имѣть свои искушенія; для нѣкоторыхъ искушенія счастья суть наисильнѣйшія, а для другихъ искушенія въ несчастіи. Обыкновенно говорятъ: никто не знаетъ, что онъ снести можетъ, пока не испытаетъ» [29: 7]. Произведение И. Масона (Дж. Мейсона) было издано в 1783 г. в переводе И. П. Тургенева, считалось одним из важнейших среди масонского окружения Карамзина и использовалось как учебник духовной психологии для начинающих масонов. По сути, масонская идея благодати смерти не только не опровергается в повести, а наоборот, масонско-психологическая базовая жанровая модель прагматически предметно реализует религиозно-нравственные, психологические идеи и размышления масонства, Карамзин опирается на нравственно-психологические достижения масонских авторов. Прежде всего это тема Иова, смирения в несчастии и горе и упования на божественную справедливость, поддержанная и ассоциативным полем эпитафия: «Cesseez, et retenez ces clameurs lamentables, / Faible soulagement aux maux des miserables! / Fléchissons sous un Dieu qui vent nous éprouver, / Oui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot nous sauver!» (Удержите и прекратите ваши жалобные вопли, / Слабое утешение в беде всех несчастных! / Покоримся богу, который хочет нас испытать, / Который единым словом может нас погубить или спасти! (франц.) [28: 177]. В этой повести Карамзина эпитафия выполняет поддержива-

ющую, нравственно-дидактическую функцию, роль, и принадлежит к типу содержательных концептуальных эпитафий, выявляющих идею, концепцию произведения. Информация эпитафия прогнозирует, несет «проспективное сообщение об основных тематических, сюжетных, концептуальных линиях следующего за ним текста» [32: 149].

Эпитафия, завершающая повесть и приписанная одному молодому чувствительному человеку, возможно, самому нарратору и теперь уже персонажу, функционально становится философско-дидактическим пуантом, содержащим масонский постулат о том, что «райский цвет» человеческой души может распуститься не в этом, глубоко несовершенном, а в другом, райском, мире.

Заключение

Теория прототипов и метод базовых структур, разработанные для нужд когнитологической лингвистики, с оговорками и доработкой могут быть использованы для анализа сложных социально-философских, культурологических феноменов, каким является литературный жанр, для детального анализа скрытых когнитологических структур текста, выводящих интерпретацию текста / произведения на новый уровень.

В карамзинских переводных и оригинальных текстах 1780-х гг. формируется одна из двух основных жанрово-стилистических матриц – пасторально-сентиментальная, представляющая синергетическое единство нескольких жанровых базовых моделей: идиллично-буколической, идиллично-георгической, сентиментально-лирической, пасторально-усадебной, масонско-психологической. Особого внимания заслуживает последняя из названных. Масонские сочинения, особенно переведившиеся самим Карамзиным, наряду с внелитературными источниками стали одним из важнейших факторов формирующегося психологизма карамзинской прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2010. 274 с.
2. Белоусов К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография. М. : Флинта ; Наука, 2009. 216 с.
3. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 594 с.

5. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М. : Гнозис. 1994. 612 с.

7. Лозинская Е. В. Когнитивная теория жанра в контексте сравнительно-исторического литературоведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение : Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 14–23.

8. Fishelov D. Genre theory and family resemblance – revisited // Poetics. Amsterdam. 1991. Vol. 20, № 1. P. 123–138.

9. Fishelov D. *Metaphors of genre: The role of analogies in genre theory*. Pennsylvania State University Press, 1993. 175 p.

10. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 12–51.

11. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб. : Алетейя, 2020. 356 с.

12. Шаврыгин С. М. Педагогические аспекты использования понятийных форм «хижина» и «дворец» в жанрово-стилевом пространстве повестей Н. М. Карамзина. Статья вторая. «Дворец» // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 8. С. 19–23.

13. Деревянная нога, Швейцарская идиля гос. Геснера. Переведено съ Нѣмецкаго Никол. Карамз. Санктпетербургъ, печатано в вольной типографии Брейткопфа, 1783 го года. 18 с.

14. Клейн И. Пути культурного импорта: труды по русской литературе XVIII в. М. : Языки славянской культуры, 2005. 576 с.

15. Тюпа В. И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт ; РГГУ, 2001. 192 с.

16. Карамзин Н. М. Евгений и Юлия // Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 89–94.

17. Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике. М. : Гослитиздат, 1957. 792 с.

18. Немецкие поэты въ биографіяхъ и образцахъ / Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Санктпетербургъ : Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 697 с.

19. Зыкова Е. П. Поэма / стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. // Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / сост., вступ. ст. и комм. Е. П. Зыковой. М. : Наука, 2005. С. 3–36.

20. Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина : учебное пособие. Екатеринбург : УрГПУ, 2015. 164 с.

21. Сигида Л. И. Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : Экон-информ, 2004. С. 327–344.

22. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 270 с.

23. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века : учебник для ун-тов. М. : Высш. шк., 1991. 320 с.

24. Кудреватых А. Н. Синтез масонских и сентименталистских идейно-эстетических установок в первых произведениях Н. М. Карамзина // Карамзинский сборник. «По чувствам своим останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Карамзинские чтения» (Ульяновск, 6–7 декабря 2017 г.). Ульяновск : Корпорация технологического продвижения, 2018. С. 105–110.

25. Сахаров В. И. Н. М. Карамзин и вольные каменщики: историко-биографические аспекты // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / отв. ред. В. И. Сахаров. М. : УРСС, 2000. С. 144–155.

26. Допрос Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и его современники : Избр. соч. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 475.

27. Брачев В. С. Масоны в России: От Петра I до наших дней. М. : Стомма, 2000. 639 с.

28. Дѣтское чтеніе для сердца и разума. Ч. XVIII. Москва : В Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1789. 208 с.

29. Иоанна Масона А. М. Познание самого себя, в котором естество и польза сея важныя науки, равно и средства к достижению оныя показаны; с присовокуплением примечаний, о естестве человеческого. / С аглинскаго на немецкой перевел М[асон?] И[оганн] Б[артоломеус] Р[оглер] а на российской И[ван] Т[ургенев]; Иждивением Н. Новикова и Компании. Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. Ч. II. 52 с.

30. Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М. : Московский гос. открытый пед. ун-т, 1999. 166 с.

31. Щербатова И. Ф. Выбор Н. М. Карамзина: от масонской антропологии и европейского гуманизма к провиденциализму и нравственной свободе // Vox. Философский журнал. 2017. № 23. С. 89–113.

32. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Омск. гос. университет, 1999. 268 с.

REFERENCES

1. Golovko V. M. *Istoricheskaya poetika russkoi klasicheskoi povesti : uchebnoe posobie* [Historical poetics of the Russian classical story : Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010. 274 p. (in Russian).

2. Belousov K. I. *Teoriya i metodologiya polistruktornogo sinteza teksta: Monografiya* [Theory and methodology of polystructural text synthesis : Monography]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 216 p. (in Russian).

3. Demytyev V. V. Again about “genres of speech and language of speech”: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

4. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 594 p. (in Russian).

5. Tarasova I. A. Genre in cognitive perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical works. Ch. I]. Moscow, Gnozis, 1994. 612 p. (in Russian).

7. Lozinskaya E. V. Cognitive theory of genre in the context of comparative historical literary studies. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 7, Literary Studies: An abstract journal*, 2020, no. 1, pp. 14–23 (in Russian).

8. Fishelov D. Genre theory and family reunion – revisited. *Poetics*. Amsterdam, 1991, vol. 20, no. 1, pp. 123–138.

9. Fishelov D. *Metaphors of genre: The role of analogies in genre theory*. Pennsylvania State University Press, 1993. 175 p.

10. Lakoff J. Thinking in the mirror of classifiers. *New in Foreign Linguistics, iss. XXIII. Cognitive aspects of language*. Moscow, Progress, 1988, pp. 12–51 (in Russian).

11. Kafanova O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [N. M. Karamzin's translations as a

cultural universe]. Saint Petersburg, Aleteiya, 2020. 356 p. (in Russian).

12. Shavrygin S. M. Pedagogical aspects of the use of the conceptual forms “hut” and “palace” in the genre and style space of N. M. Karamzin’s novels. Article two. “Palace”. *Education Management: Theory and Practice*, 2023, vol. 13, no. 8, pp. 19–23 (in Russian).

13. *Wooden leg, Swiss idyll by mr. Gesner*. Translated from the German by Nicol. Karams. St. Petersburg, pechatano v vol'noi tipografii Breitkopfa, 1783. 18 p. (in Russian).

14. Klein I. *Puti kul'turnogo importa: trudy po russkoi literature XVIII v.* [Ways of cultural import: Works on Russian literature of the XVIII century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 576 p. (in Russian).

15. Tyupa V. I. *Analitika khudozhestvennogo: vvedenie v literaturovedcheskii analiz* [The analysis of the artistic: An introduction to literary analysis]. Moscow, Labirint, RGGU, 2001. 192 p. (in Russian).

16. Karamzin N. M. Evgeny and Julia. In: *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental tale]. Moscow, Moscow University Press, 1979, pp. 89–94 (in Russian).

17. Schiller F. *Collected works: in 7 vols.* Vol. 6. Articles on aesthetics. Moscow, Goslitizdat, 1957. 792 p. (in Russian).

18. Gerbel N. V., ed. German poets in biographies and models. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1877. 697 p. (in Russian).

19. Zykova E. P. Poem / a poem about a rural estate in Russian poetry of the XVIII – early XIX centuries. In: *Sel'skaya usad'ba v russkoi poezii XVIII – nachala XIX veka* [Zykova E. P., comp., introductory article and comment. Rural estate in Russian poetry of the XVIII – early XIX century]. Moscow, Nauka, 2005, pp. 3–36 (in Russian).

20. Kudrevatykh A. N. *Evolutsiya psikhologizma v proze N. M. Karamzina: uchebnoe posobie* [The evolution of psychologism in N. M. Karamzin’s prose: A textbook]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015. 164 p. (in Russian).

21. Sigida L. I. On the origins of disappointment and skepticism of Karamzin’s heroes. In: *XVIII vek: Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva: sb. nauch. st. Otv. red. N. T. Pakhsar'yan* [Pakhsar'yan N. T., ed. XVIII century: The art of living and the life of art: Coll. of sci. arts]. Moscow, Ehkon-inform, 2004, pp. 327–344 (in Russian).

22. Orlov P. A. *Russkii sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow, Moscow University Press, 1977. 270 p. (in Russian).

23. Orlov P. A. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka : uchebnyk dlya universitetov* [The history of Russian literature of the XVIII century: Textbook for universities]. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 320 p. (in Russian).

24. Kudrevatykh A. N. The synthesis of Masonic and sentimental ideo-aesthetic stances in the early works of N. M. Karamzin. In: *Karamzinskii sbornik. “Po chuvstvam svoim ostanus' respublikantsem...”*. Reformy i revolyutsii kak sposob miroustroistva skvoz' prizmu karamzinskoi ehpokhi: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Karamzinskie chteniya” (Ul'yanovsk, 6–7 dekabrya 2017 g.) [The Karamzin collection. “According to my feelings, I will remain a Republican...”]. Reforms and revolutions as a way of world order through the prism of the Karamzin era: A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference “Karamzin Readings” (Ulyanovsk, December 6–7, 2017)]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii proizvodheniya, 2018, pp. 105–110 (in Russian).

25. Sakharov V. I. N. M. Karamzin and the freemasons: Historical and biographical aspects. In: *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv. Otv. red. V. I. Sakharov* [Sakharov V. I., ed. Freemasonry and Russian literature of the XVIII – early XIX centuries]. Moscow, URSS, 2000, pp. 144–155 (in Russian).

26. Interrogation of N. I. Novikov. In: *N. I. Novikov i ego sovremenniki : Izbr. soch.* [N. I. Novikov and his contemporaries: Select. works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, p. 475 (in Russian).

27. Brachev V. S. *Masonry v Rossii: Ot Petra I do nashikh dnei* [Masons in Russia: From Peter I to the present day]. Moscow, Stomma, 2003. 639 p. (in Russian).

28. *Children's reading for the heart and mind. Part XVIII.* Moscow, V Universitetskoi Tipografii, u N. Novikova, 1789. 208 p. (in Russian).

29. John Mason A. M. *Self-knowledge, in which the nature and benefits of this important science, as well as the means to achieve it, are shown; with the addition of notes, about human nature.* Translated from English into German by M[ason?] And [ogann] B[artolomeus] R[ogler] a in the Russian And [van] T[urgenev]; Dependent on N. Novikov and the Company. Moscow, Univ. type., N. Novikov, 1783. Part II. 52 p. (in Russian).

30. Saskova T. V. *Pastoral' v russkoi poezii XVIII veka* [Pastoral in Russian poetry of the XVIII century]. Moscow, Moscow State Open Pedagogical University Publ., 1999. 166 p. (in Russian).

31. Shcherbatova I. F. N. M. Karamzin’s Choice: From Masonic anthropology and European humanism to providentialism and moral freedom. *Vox. The Philosophical Journal*, 2017, no. 23, pp. 89–113 (in Russian).

32. Kuzmina N. A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka: monografiya* [Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language: Monograph]. Ekaterinburg, Ural University Publ., Omsk, Omsk State University Publ., 1999. 268 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 10.02.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 03.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 10.02.2024; published 28.02.2025